

ВЫСОКО ценил Горький роман Ромена Роллана «Кола Брюньон». «Какую прекрасную книгу сделали Вы, дорогой друг, — писал он автору. — Вот поистине создание галльского гения, воскрешающее лучшие традиции вашей литературы! Я читал ее, смеялся, почти плакал от радости и думал: как своевременна эта яркая веселая книга во дни общего смятения духа, в эти дни темного безумия и злобы».

Между Ролланом и Максимом Горьким установилась регулярная переписка, ставшая особенно обширной после Великой Октябрьской революции.

Горький подробно рассказывает Роллану о всех событиях, происходящих в Советском Союзе, о жизни, о литературе. Роллан всегда обращается к нему, когда хочет узнать мнение человека, которого он сердечно любит, которому он глубоко доверяет.

Ознакомившись с «Очарованной душой», Горький сообщает Роллану, что восхищен его отношением к женщине, что ему кажется, будто Роллан первый среди французских писателей поставил с такой глубиной и силой вопрос об общественном и культурном значении женщины. В свою очередь Роллан присыпает Горькому свои замечания по поводу романа «Дело Артамоновых», и Горький в ответ сообщает, что очень обрадован его мнением о старике Артамонове, что ему хотелось изобразить этого человека именно так, как понял его Ромен Роллан. Горький считает также очень метким суждение Роллана о Самгине, как человеке, которого убедили, что он не тот, каков есть.

Почти каждая новая статья Ромена Роллана встречает немедленный отклик Максима Горького. Он пишет Роллану из Сорrentо о том, как восхищает его стойкая защита Роллана Советского Союза, высоко оценивает прекрасную статью против Гастона Риу, опубликованную в Париже и напечатанную 30 января 1931 года в «Известиях». В своем ответе реакционному французскому литератору Роллан разоблачил антисоветскую сущность известного бриановского проекта пан-Европы.

Горький с радостью сообщает Роллану, что советские литераторы называют его «наш Ромен Роллан», и в этом «наш» скрыта большая искренняя любовь. Он рассказывает Роллану о том, что с ним мечтает познакомиться Алексей Толстой, что его очень хотел бы посетить Константин Федин. (Встреча Роллана с Фединым состоялась летом 1932 года).

В письме от 6 мая 1933 года из Сорrento, говоря о той тяжелой борьбе, которую приходится вести против идиотизма и варварства мещан, против их трусости, бесчеловечной и бессмыслицей жестокости, Горький дает высочайшую оценку участию Ромена Роллана в этой борьбе.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И РОМЕН РОЛЛАН

На снимке: М. Горький, Ромен Роллан, Жак Садуль с писателями: А. Барто, А. Исахом, И. Сельвинским, М. Шагинян, И. Анисимовым, Г. Серебряковой, А. Аросевым и другими.

Постоянно советуясь о совместных действиях против войны и фашизма, Роллан и Горький помогают друг другу преодолеть и глубоко личные страдания и потрясения. Горький пишет Роллану, что его стихическое сообщение о кончине отца заставило подумать: «Ромен Роллан действительно римлянин, как он сказал о себе». В этом же письме он дает высокую оценку мужественной статье Роллана «Прощание с прошлым», напечатанную в июльском номере журнала «Красная новь» за 1931 год. А Роллан пишет Горькому сердечное сочувственное письмо в связи со смертью сына Горького Максима.

Горький понимает, как тяжело Роллану в Швейцарии: «Нам здесь хорошо известно, что буржуазия страны шоколада, сыра и кретинов считает Вас одним из вреднейших «ересиархов», врагов ее культуры, и что она усердно портит Вам жизнь».

Дорогой Роллан, не следует ли Вам переехать в страну, где Вас любят и уважают тысячи честных людей... Могу заверить Вас, что вся страна примет Вас как любимого друга, и для всех нас Ваш приезд будет праздником».

И вот Ромен Роллан приезжает в Москву. В гости к народу, который он глубоко полюбил, к своему большому другу Максиму Горькому.

У подъезда своей дачи в Горках Алексей Максимович встречает советских писателей, приглашенных на встречу с Роменом Ролланом.

— Сегодня я здесь не хозяин, — говорит он нам, усмехаясь в густые свои усы. — Сегодня хозяин Ромен Роллан...

Мы вошли в зал. Алексей Максимович сел где-то в углу, молчал и во время беседы только хмурил свои мохнатые брови.

Роллан вошел в сопровождении Марии Павловны. В зале было не очень тепло, и он кутался в плед. Мы приветствовали его. Наступила минута неловкого молча-

ния. А потом кто-то из писателей начал рассказывать Ромену Роллану о наших творческих делах. Завязалась живая, не-принужденная беседа. Роллан интересовался новыми книгами. Спрашивал об Островском, о Шолохове, о Михаиле Ильине, авторе широко известной на Западе книги «Горы и люди». В разговор включился и Горький. Несколько часов прошло незаметно. Впрочем, мы могли продолжать беседу бесконечно. Но Роллан устал, и Алексей Максимович предложил закругляться.

Через несколько дней в Горках при встрече Роллана с работниками искусства разговор шел о романе «Кола Брюньон». Роман был радиономинирован и по этому поводу Роллан написал специальное обращение к советским радиослушателям. Ожидалась постановка «Кола Брюньона» на сцене. Кинорежиссер Григорий Рошаль, мечтавший поставить фильм «Кола Брюньон», рассказал Ромену Роллану о своих планах. Роллан был заинтересован, однако, сказал с сомнением, о том, что трудно будет передать всю обстановку Кламси.

Горький с интересом прислушивался к этому разговору. Когда Ромен Роллан ушел, Алексей Максимович заговорил о «Коле Брюньоне», о том, какая это замечательная книга, потом, лукаво улыбаясь, сказал:

«А что касается постановки... я вам на Волге разыщу такое местечко, что сумеет вполне соответствовать Кламси, ежели, конечно, кое-что подстроить. А что касается самого Кола Брюньона, мы попросим Бориса Васильевича Шуклина, он, пожалуй, самогс Брюньона перебрюньонит».

В словах Горького чувствовалась и огромная любовь к замечательному произведению Ромена Роллана, и вера в Шуклина, одного из прекраснейших мастеров советского искусства.

Александр ИСАХАХ,

Литературное обозрение
25 марта 1989